

21. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М., 2000. С. 103-104.
22. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 205.
23. Мень А. «Богословие» Льва Толстого и христианство // Толстой Л. Н. Исповедь. В чем моя вера? Л., 1991. С. 21.
24. Толстой Л. Н. Путь жизни. С. 463.

© **Бугров Д. В.**
г. Екатеринбург

РУССКАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ УТОПИЯ 2-Й ПОЛ. XVIII В.: ПОИСКИ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В 1759 г. в журнале с характерным названием «Трудолюбивая пчела» появилась небольшая повесть видного писателя и драматурга А. П. Сумарокова «Сон «Счастливого общества». Герой повести, заснув, переместился в некую счастливую страну, мудро управляемую просвещенным монархом: «страна сия обладаема великим человеком, которого неусыпное попечение, с помощью избранных его помощников, подало подвластному ему народу благоденствие», «всех подданных своих приемлет он ласково и все дела выслушивает терпеливо» [6: 33-36].

Основа всего «народного благополучия» — «благочестие, не допускающее примеситься себе суеверию». Духовные лица в этой стране подобны античным философам и не вмешиваются в вопросы светской жизни, где главную роль играют государь и государственный совет (последний занимается тем, что рассматривает «распорядки, исправления, узаконения и прочие государственные основания или по повелению монарха, или ко предложению оному»). Законы фиксируются в специальной книге — «книга узаконений их не больше нашего календаря и у всех выучена наизусть, а грамоте тамо все знают... Сия книга начинается тако: **ЧЕГО СЕБЕ НЕ ХОЧЕШЬ, ТОГО И ДРУГОМУ НЕ ЖЕЛАЙ. А ОКАНЧИВАЕТСЯ: ЗА ДОБРОДЕТЕЛЬ ВОЗДАЯНИЕ, А ЗА БЕЗЗАКОНИЯ КАЗНЬ**». Сумароков поясняет: «права их оттого в такую малую вмещены книгу, что все они на одном естественном законе основаны».

В судебных органах больше судей, нежели писцов, бюрократизм сведен до минимума — «бумаги исходит очень мало, писцы их пишут очень коротко и ясно». Нет и волокиты — «больше месяца в судебных тамо местах никакое дело не продолжается, а по месяцу времени берут только самые завящивые дела. Что не требует раздумчивости, на то в самую минуту предложения делается и решение». Скорость судопроизводства неимоверна, дела ведутся добросовестно, поскольку «за малейшие взятки лишается судья и чина своего, и имени».

Отчего же столь законопослушны подданные императора? Оттого, что вся система управления основана на принципе общей пользы, государь же «имеет народную любовь, страх и почтение». Эта триада — любовь, почтение, страх — является своеобразным фундаментом государства. К милости государя «нет иной дороги, кроме достоинства». Герой Сумарокова убеждается в чистоте помыслов и деяний всемогущего правителя: «Раздражить его, кроме беззакония и нерадения, ничем не возможно. Слабости прощает он милосердно, беззакония наказует строго. Начальниками делает он людей честных, разумных и во звании своем искусных... Сей государь ничего служащего пользе общества не забывает, а о собственной своей пользе, кроме истинной своей славы, никогда не думает».

В рациональном управлении и судопроизводстве, в торжестве закона и разума, в гармонии и развитии воплотился рационалистический идеал нового времени, подхваченный Сумароковым.

Спустя четверть века, в 1784 г., в «Собеседнике любителей российского слова» известный литератор, переводчик, ученый В. А. Левшин выступил с утопическим сюжетом под названием «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве», где герой опять-таки во сне... совершает полет на Луну, которая оказывается обитаемой, более того — лунное общество, построенное на началах традиционализма, исповедует рациональный, в общем-то, патернализм [3: 71 — 90]. Жителями Луны правит не монарх, а «старики», стоящие во главе кланов: «право родителя дает каждому право власти над своими чадами» (под «чадами» понимаются дети «стариков», а также дети детей, внуков и правнуков — обитатели Луны являются должителями). Решение актуальных вопросов — прерогатива «собрания старцев». Писаного права у селенитов нет, поясняет землянину один из умудренных опытом «стариков», т. к. «закон естественный довольно тверд, когда исповедывает оный совесть каждого; оный начертан неизгладимыми буквами в душах наших». «И зачем писать то, что каждый по чувствам своим разумеет без истолкования? — продолжает «старец». — Закон наш очень краток и нетруден к исполнению; всяк разумеет, что должно любить Бога, яко благодетеля, а ближнего — как самого себя, ибо через то приобретет и от него любовь к себе; а тем избавится от многих досад, неминуемо происходящих по нарушении сей заповеди. Утверждено у нас, что всякий другой закон, противного сему толкования, есть обществу вредоносный и мерзкий пред Богом».

В том же 1784 г., когда «Новое путешествие...» В. А. Левшина увидело свет, решил испробовать себя в аналогичном жанре князь М. М. Щербатов — выдающийся общественный деятель, писатель, публицист, историк, экономист. Именно тогда он написал роман «Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина», опубликованный лишь сто лет спустя, в 1896 г., в 1-м томе его собрания сочинений [9: 22 — 68].

Чуть было не погибшие в студеных антарктических водах моряки с корабля под многозначительным названием «Надежда» неожиданно открывают цветущую приполярную страну — Офирскую Империю. Подробнейшим образом Щербатов рисует устройство могущественной державы, в названиях которой неявно, но все же угадывается что-то родное: Перегаб (Петербург), Квамо (Москва), Вариаж (Воронеж), Евки (Киев), Облот (Тобольск) и, конечно же, горнозаводской Ефонбиаг (Екатеринбург). С северо-запада с Офирией граничат некогда воинственные двысы (шведы), у которых могучий царь Перега отобрал болотистые приморские земли, где построил свою столицу Перегаб. К счастью, впоследствии преемники Перега отъехали обратно в старую столицу — Квамо (на то были причины — Щербатов перечислил их, пронумеровал — целых 7 причин!).

Столь же подробно Щербатов знакомит читателя с уголовным правом Офирии (8 статей за убийство, например), поскольку матросы в пьяной драке зашибли насмерть одного из офирцев — прекрасных людей, говоривших, между прочим, на санскрите. Детально разобрана деятельность полиции, которая неусыпно печется о здоровье и безопасности жителей, об их спокойствии, об освещении улиц, т.к. ночи длинны и темны. Полиция сотрудничает с населением — от каждой улицы в помощь охранникам порядка выделяется по 4 человека еженедельно (своеобразные «народные дружинники»). Заботясь о здоровье подданных им-

ператора, приставы бдительно следят за качеством продаваемых товаров. Недобросовестным продавцам грозит наказание «трибунала о здравии народном учрежденного», в состав которого входят начальник городской полиции, «4 ученых лекаря и выбранные от граждан каждой степени по 2 человека».

Мимо внимания Щербатова не проходит ни административное устройство империи (15 губерний), ни ее бюджет.

Как историк, князь не мог не порадоваться за состояние архивной службы в Офирии — архивные фонды содержатся в полном порядке уже 1200 лет, поэтому довольно редки имущественные разбирательства — по материалам архивов легко восстанавливается истинная картина собственных прав: «такое главное место, или деревня, или земляца в таком году, по такому праву перешла, такая земляца была между многих разделена, и сие каждый переход в особливой графе записан».

Выясняется, что судебное разбирательство по любому делу ведется открыто; в каждой судейской палате на лавках сидят «любопытные слушатели», всякий из которых имеет право выступить в роли защитника обвиняемого — только защитника, но не обвинителя! — по уголовному делу: «в тех местах, где судят уголовное дело, там каждый, токмо в защищение обвиняемого, а не во удручение его судьбы, может из места своего сказать, что он к оправданию или к облегчению судьбы его находит, ибо жизнь человеческая есть столь драгоценна, что не можно отнять ни у какого гражданина права стараться спасти ее ближнему своему. И многожды случалось, что не токмо мужья, но и самые юные жены подавали таковые советы, которые спасали подвергающихся к жестокому осуждению или по крайней мере облегчали судьбу их». При этом растет авторитет суда, а с ним и авторитет закона — все жители имеют возможность хорошо ознакомиться с судопроизводством, отсюда — профилактика преступлений, организуемая как бы сама собою.

В стране 5 судебных департаментов: по уголовным делам; по делам «воспитания народного, прав и благочиния»; по делам государственного имущества и торговли, а также домостроительства; по поместным делам; по военным делам и снабжению войск. При каждом департаменте за судьями наблюдает один так называемый «законник», который следит за соблюдением законов самими судьями и может обжаловать решение суда в послании на имя императора. Если императорский совет пересмотрит постановление суда, судьи платят штраф. Если же ошибается «законник-наблюдатель», штраф в казну платит он.

Исполнительная и законодательная власть наряду с судебной системой в утопическом проекте Щербатова составляют единое целое. Каждая административная единица (город) «имеет два правительства». Одно — государственное — состоит из лиц, назначаемых императором, и разбирает «токмо дела уголовные и дела учреждений и доходов», другое — гражданское, в него входят 3 выборных судьи, занимающихся рассмотрением земских дел. Судьи являются представителями благородного дворянства, только в 3-м департаменте, «где рассуждают о делах торговых», заседают еще и выборные от купечества. А поскольку участие купцов в судебных делах может нанести вред их основному занятию — коммерции, «позволено им и мещан разумных и знающих торг и обстоятельства тех мест, где они жительство имеют, выбирать; также и из всех живущих там и ученых людей, лишь бы сии были тамошние жители, за что они и плату от купечества получают». Дела решаются двумя третями судейских голосов.

Верховное правление состоит из «постоянно присутствующих» (выборных от дворянства и купечества в отношении 2 к 1) и «присутствующих, когда

нужда востребует или когда хотят», высших чиновников. Первый среди призванных помогать императору высших сановников — «хранитель законов»; затем идут «остерегатель государственных», ведающий иностранными делами; «казначей государственный»; «всеправитель» по военным делам; «мореначальник»; «наставник детей императорских» (если его нет — то «надзиратель наук или председатель академии»). Требования к избранным, т.е. «постоянно присутствующим», членам правительства детальны и лаконичны: возраст не менее 35 лет, семейное благополучие, компетентность, непорочность, стаж службы не менее 17 лет.

Любопытный факт: в 1858 г. социалист А. И. Герцен в далеком Лондоне издал другое произведение М. М. Щербатова, известное куда более, чем «Путешествие в землю Офирскую...», но не имевшее отношения к жанру утопии — сочинение «О повреждении нравов в России». Симптоматично, что в герценовском издании с этим опусом Щербатова соседствует не лишенный элементов социальной утопии роман очередного видного представителя отечественной общественной мысли — и заглавие этого романа, подобно щербатовской утопии, также начинается с волнующего воображение слова «путешествие» — но путешествие не в вымышленную благословенную Офирию, а из конкретного реального пункта в другой, не менее реальный — из Петербурга в Москву. То самое знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву», которое в 1790 г. (по печальной иронии судьбы, в том самом году, когда завершился земной путь князя Щербатова) напечатал в собственной небольшой типографии новоиспеченный директор столичной таможни А. Н. Радищев, в свое время (с 1766 по 1771 гг.) учившийся на юридическом факультете Лейпцигского университета.

По меньшей мере 2 фрагмента этого сочинения выдержаны в жанре социальной фантастики [5: 84-99, 149-160]. В главе «Спасская Полесть» Радищев, погружившись в излюбленное состояние русских утопистов — в сон, видит себя могущественным государем, окруженным угодливыми царедворцами: «Мне представилось, что я царь, шах, хан, король, бей, набоб, султан или какое-то сих названий нечто, сидящее во власти на престоле». Окружение славит властителя, а он неспешно отдает приказания «первому военачальнику», «хранителю законов», «первому зодчему» и прочим вельможам, включая исполнительнейшего «учредителя плавания»: «Учредителю плавания я рек: — Да корабли мои рассеются по всем морям, да узрят их неведомые народы; флаг мой да известен будет на Севере, Востоке, Юге и Западе. — Исполню, государь. — И полетел на исполнение, яко ветер, определенный надувать ветрила корабельные».

Но тут у золотого трона появляется скорбная женщина, возвестившая: «Я есмь Истина». Страница-Истина сразу ставит самодержцу и его приближенным точный диагноз — слепота. Обращаясь к оторопевшему властелину. Она провозглашает: «Я — врач, присланный к тебе и тебе подобным, да очищу зрение твое. Какие бельма!.. На обоих глазах бельма..., а ты столь решительно судил о всем». Пелена спадает с глаз царя, и перед ним открывается ужасающая действительность: казнокрадство, алчность и стяжательство придворных, нищета и страдания несчастного народа. Прозревший государь больно ранит себе палец терновым кольцом, которое дарит ему суровая Истина — но эта боль несравнима с горечью разочарования, ибо великий владыка узнает, что ведомые «учредителем плавания» корабли никуда не отплыли, а их «начальник, полетевший для исполнения моих велений на крыльях ветра, простерши на мягкой постеле свои члены, упоялся негою и любовью в объятиях наемной возбудительницы его сладострас-

тия», потому что ему некуда было торопиться — на картах, уже составленных по итогам так и не совершенного плавания, красовались якобы открытые выдающимся мореплавателем «новые острова, климату их свойственному плодами изобилующие», «уже при блеске ночных светильников начерталось величественное описание сего путешествия и сделанных приобретений слогом цветущим и великолепным». Стяжать лавры Кука, который всю жизнь провел в трудах и лишениях — и при этом не двигаясь с места! Бесстыдство и пошлость, скотство и мерзость — вот что открывается ошеломленному царю. И ему остается лишь зарыдать. Автору же остается проснуться: «Еще не опомнившись, схватил я себя за палец, но тернового кольца на нем не было. О, если бы оно пребывало хотя на мизинце царей!»

Другая глава романа Радищева не столь безысходна — это глава «Хотилов (Проект в будущем)». Собственно, это первая «бумага», найденная главным героем «Путешествия...» по приезде в село Хотилов на дороге перед почтовой избой. В самой же избе Путешественник натолкнулся на остальные «бумаги», а из разговора с почтальоном понял, что эти материалы принадлежат ему, Путешественника, близкому «искреннему другу».

«Проект» — своеобразный манифест, написанный как бы от лица «идеально-го» просвещенного монарха. По этому поводу в среде литературоведов и историков не утихают споры: если, к примеру, Л. И. Кулакова и В. А. Западов полагают, что «Проект» — специфическая утопия, выражающая взгляды и идеалы самого Радищева, нацеленная в будущее и содержащая перечисление черт новой, грядущей России, далекой от России конца XVIII в. [2: 171], то Ю. Ф. Карякин и Е. Г. Плимак судят совершенно иначе, находя в тексте «Проекта» историческую конкретику и явную сатиру на законотворчество Екатерины II, воспроизводящую фразеологию панегириков императрице, отказывая Радищеву в праве на приверженность эволюционным воззрениям и отводя ему только одну роль — роль безапелляционного и последовательного революционера-обличителя, который по определению не мог всерьез надеяться на отмену крепостного права «сверху» и прочие реформы [1: 35]. Другой специалист по творчеству Радищева, В. П. Шестаков, со своей стороны, рассматривает главу «Хотилов» не как утопию, а лишь как социальную публицистику, направленную на критику крепостничества [8: 16-17].

Так или иначе, Радищев, глядя в будущее, видит там, как «разум человеческий, вольно распростирая свое крылье, беспрепятственно и незаблужденно возносится везде к величию и надежным ныне стал стражею общественных законоположений». Законы будущего основываются на научности и рационализме: «Равновесие во властях, равенство в имуществах отъемлют корень даже гражданских несогласий». При этом не нужно спешить и провозглашать Радищева первым социалистом — далее он замечает: «Межа, отделяющая гражданина в его владении от другого, глубока и всеми зрима, и всеми свято почитаема». Семейные распри предотвращаются «ясностью в положениях о приобретении и сохранении имений». Даже самые бесхитростные преступления предупреждаются миролюбивым воспитанием и умеренностью наказаний (потому-то и чтут люди будущего законы верховной власти, «яко веления нежных родителей к своим чадам»).

Это бесконфликтное идеальное общество характеризуется Радищевым так: «внутренняя тишина», отсутствие внешних врагов, ощущение «высшего блаженства гражданского сожития».

Фундамент благоденствия таков: осознание «мудрыми правителями нашего народа» всей силы «естественной связи общественного союза». «Право естественное» — следствие того, что люди равны от природы (как тут не вспомнить выдающийся документ той эпохи — «Декларацию человека и гражданина», которую явила миру революционная Франция в 1789 г.), а потому имеют одинаковые права и «единые другим не подвластны».

«Право гражданское» — следствие того, что человек, будучи свободным и равным другим членам общества, готов поступиться частицей своей свободы во имя общего блага, т.е. говоря словами Радищева, гражданин — «человек, променявший беспредельную свободу на мирное оныя употребление» (заметим, что трактовка понятия «свобода» дается Радищевым в полном согласии с одним из идейных отцов конституционализма — великим просветителем Ж.-Ж. Руссо).

Так кто же правит в этом воображаемом рае земном? Радищев отвечает: «Властитель первый в обществе есть закон, ибо он для всех один». Но что движет людьми, признающими закон? Что или кто заставляет их повиноваться закону? Что, спрашивает сам Радищев, побуждает человека «вступать в общество» и «полагать произвольные пределы» собственной естественной свободе? Ответ следует незамедлительно: «Рассудок скажет: собственное благо; сердце скажет: собственное благо; нерастленный закон гражданский скажет: собственное благо»...

Ожидание прихода эры торжества закона и разума — отличительная черта всех упомянутых выше литературных проектов. Их авторы — выдающиеся представители отечественной общественно-политической мысли и культуры — противопоставляли несовершенной действительности рациональный идеал. Вера во неодолимое могущество человеческого разума, распространившаяся среди образованных европейцев нового времени, пустила свои корни и на российской почве. Нельзя не согласиться с видным польским социологом Е. Шацки, который в своей книге «Традиция» (1971 г.) так охарактеризовал рационалистический XVIII век: «В эпоху великих буржуазных революций, и особенно революции 1789 года, любой рационализм в большей или меньшей степени был наделен иллюзией разума, независимого от традиции и диктующего обществу свои — неизвестные ему доселе — законы» [7: 226]. Эти-то законы и стремились обозначить русские просветители 2-й пол. XVIII в., пытавшиеся из утренней зари Просвещения заглянуть в завтрашний день, который казался им таким безоблачным. Заглянуть — и повести за собою читателя-собеседника, увлеченного не только открывавшимися перед его воображением просторами, по которым победной поступью гордо шествовал человеческий Разум, но и неотразимой убедительностью и научностью доводов рыцарей Просвещения. Авторитетный немецкий мыслитель К. Мангейм, размышляя в 1929 г. над этой проблемой в работе «Идеология и утопия», резонно заметил: «...глубочайшая движущая сила либеральных идей Просвещения заключалась, помимо этого возбуждающего фантазию, постоянно направленного к далеким горизонтам предзнаменования, также и в том, что эти идеи всегда обращались к свободной воле и пробуждали ощущение того, что они не обусловлены, неподвзяты» [4: 193].

Отечественные авторы, перечисленные выше, восприняли — пусть каждый по-своему (кто настороженно, кто умеренно-оптимистически, в русле идеи «просвещенного абсолютизма», кто с безудержной радостью) — патетический призыв Просвещения, противопоставившего мраку бесправия светлый идеал Разума и Закона.

Примечания:

1. Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. — М., 1966. С. 35.
2. Кулакова Л. И., Западов В. А. Комментарий // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. — Л.: Просвещение, 1974. С. 171.
3. Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Взгляд сквозь столетия: Русская фантастика XVIII и 1-й пол. XIX в. — М.: Молодая гвардия, 1977. С. 71—90.
4. Мангейм К. Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. С. 193.
5. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Избранное. — М.: Московский рабочий, 1976. С. 84—99, 149—160.
6. Сумароков А. П. Сон «Счастливое общество» // Русская литературная утопия. — М.: Изд-во МГУ, 1986. — С. 33—36.
7. Шапки Е. Утопия и традиция. — М.: Прогресс, 1990. — С. 226.
8. Шестаков В. П. Эволюция русской литературной утопии // Русская литературная утопия. — М.: Изд-во МГУ, 1986. — С. 16—17.
9. Щербатов М. М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина // Взгляд сквозь столетия: Русская фантастика XVIII и 1-й пол. XIX в. — М.: Молодая гвардия, 1977. — С. 22—68.

© **Васильева Г. М.**
г. Новосибирск

IPSE DIXIT: ОБРАЗ И. В. ГЁТЕ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

В перспективе русского литературного языка немецкий представляется не столько языком, сколько своего рода текстом. А. П. Чехов иногда неожиданно приводит немецкие фразы. Например, «...если бы вдруг не произошел kolossalische Scandal» («Человек в футляре»). Немецкий оборот любого объема (едва ли не одно-единственное слово или характерная грамматическая фраза — вроде перфекта) воспринимается в русском дискурсе как цитата. Даже если подобная «цитата» в реальности ничего не цитирует, она отсылает нас к какому-то «источнику», не просто к словесному тексту или семантической системе текстов. Здесь есть отсылка к определенному миру вещей, жестов, ритмов.

В «русском» «Фаусте» заметны приращения, та естественная правка, которая принадлежит не автору, но самому времени. Оно анонимно и, так сказать, безлично, открыто для разного рода коррективов и их аккумуляции в произведении. Текст в значительной мере сам создает свой контекст, он обладает способностью регенерировать утраченные внетекстовые связи, создавать новые взамен утерянных. «Фауст» в прозе Чехова и «Фауст» Гете живут разной жизнью, а функциональные различия приводят к структурной дивергенции. Однако «Фауст» продолжает жить, подавая «признаки жизни» подчас весьма курьезные. В прозе Чехова — различные способы создания «уклоняющихся» высказываний из Гете (иронических, аллюзионных, метафорических).

В истории культуры обращение к трагедии Гете нередко имело своим предназначением повышение ранга текста: ipse dixit — Сам сказал, Гёте является непреложным авторитетом. Аггестации «Фауста» превратились в более или менее обычный *façon de parler*, род прописей, которые «для порядка» и для напоминания должны время от времени ритуально произноситься. Можно трактовать их как некоторые профилактические напоминания. Персонажи Чехова словно стараются выровнять линию и соблюсти высшую литературную иерархию. Они живо